

Научная статья

УДК 332.1(571.54)

doi:10.22394/1818-4049-2023-105-4-77-86

Социально-экономическая устойчивость сельских территорий Дальнего Востока с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия)

Сембрика Нимаевна Иванова

Байкальский институт природопользования, Сибирское отделение Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия

sambrika@binm.ru

Аннотация. В статье дана оценка социально-экономической устойчивости сельских территорий Республики Бурятия по разработанной и апробированной методике. Отмечается, что показатели инфраструктурной обеспеченности, транспортной доступности сельских территорий, уровня и качества жизни проживающего в них населения значительно уступают аналогичным показателям городских территорий, что приводит к межтерриториальному неравенству и усилению оттока сельского населения. Проведена дифференциация сельских территорий по интегральному индексу социальной и экономической устойчивости сельских территорий. Определены группы сельских территорий с высоким, средним и низким уровнями социально-экономической устойчивости. Социально-экономическое развитие сельских территорий, в границах которых проходит Центральная экологическая зона Байкальской природной территории, сдерживается правовой базой, в которой преобладают значительные ограничения в хозяйственной деятельности. В исследовании были использованы методы сравнительного анализа и экономико-статистические методы. Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики. На территориях с особым режимом природопользования целевые установки сохранения уникальной природной среды должны сопровождаться созданием условий для повышения качества жизни населения. Основные выводы и рекомендации могут быть использованы органами власти при совершенствовании системы комплексной оценки социально-экономической устойчивости и при разработке программ социально-экономического развития сельских территорий.

Ключевые слова: сельские территории, социально-экономическая устойчивость, доступность услуг социальной сферы, особый режим природопользования, качество жизни населения

Благодарность: исследование выполнено в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН Проект № АААА-А21-121011590039-6 (0273-2021-0003).

Для цитирования: Иванова С. Н. Социально-экономическая устойчивость сельских территорий Дальнего Востока с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 77–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-77-86>

Socio-economic sustainability of rural areas of the Far East with a special regime of environmental management (on the example of Republic of Buryatia)

Sembrika N. Ivanova

The the Baikal institute of nature management, the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
sambrika@binm.ru

Abstract. *The article provides an assessment of socio-economic sustainability of rural areas of the Republic of Buryatia using the developed and tested methodology. It is noted that indicators of infrastructure provision, transport accessibility of rural areas, the level and quality of life of the population living in them are significantly inferior to urban ones, which leads to inter-territorial inequality and increased outflow of the rural population. It was revealed that in the structure of rural settlements of the Republic of Buryatia, sparsely populated ones predominate (26.2% with a population of less than 100 people; 16.6% – 101–200 people and 24.9% – 201–500 people), with In this case, more than a third of the rural population lives in settlements with a population of more than 5,000 people. The difficulties of developing rural areas are due to the fact that they are subject to social, economic, demographic, environmental and other challenges. Rural territories were differentiated according to the integral index of social and economic sustainability of rural territories. Groups of rural areas with high, medium and low levels of socio-economic sustainability have been identified. The socio-economic development of rural areas within the boundaries of which the Central Ecological Zone of the Baikal Natural Territory lies is constrained by the legal framework in which significant restrictions in economic activity prevail. The study used comparative analysis and economic-statistical methods. The information base was data from the Federal State Statistics Service. In territories with a special regime of environmental management, the goals of preserving the unique natural environment must be accompanied by the creation of conditions for improving the quality of life of the population. The main conclusions and recommendations can be used by authorities when improving the system for comprehensive assessment of socio-economic sustainability and when developing programs for the socio-economic development of rural areas.*

Keywords: *rural areas, socio-economic sustainability; accessibility of social services, special regime for environmental management, quality of life of the population*

Acknowledgment: the study was carried out within the framework of the state task of the Baikal Institute of Nature Management SB RAS Project No. AAAA-A21-121011590039-6 (0273-2021-0003).

For citation: Ivanova S. N. Socio-economic sustainability of rural areas of the Far East with a special regime of environmental management (on the example of Republic of Buryatia) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 4 (105). Pp. 77–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-77-86>

Введение

В условиях повышения значимости пространственного развития сельские территории являются значительным ресурсом страны. Несмотря на устойчивый рост агропромышленного комплекса, показатели инфраструктурной обеспеченности, транспортной доступности сельских территорий (далее – СТ), уровня и

качества жизни проживающего в них населения значительно уступают городским, что приводит к межтерриториальному неравенству и усилению оттока сельского населения. Данная ситуация наиболее выражена на Дальнем Востоке [Дагбаева, Хандажапова, Лубсанова, 2015; Найдено, Грицко М. А., Буревая Н. С., 2020; Иванов, 2021; Сюпова, 2021; Мотрич, 2022].

Достижение социально-экономической устойчивости СТ является важнейшим условием поддержания национальной безопасности и обеспечения национальных интересов нашей страны [Дагбаева, Хандажапова, Лубсанова, 2016. С. 84-85; Иванова, Тулохонов, 2022. С. 318-319]. Для многих стран устойчивое развитие СТ является труднодостижимой целью социально-экономической политики в виду несовершенства его теоретического понимания и слабой изученности проблем создания эффективных механизмов управления устойчивым развитием сельской экономики и сельских территорий [Довготько и др., 2021; Михеева, Аюшеева, 2013. С. 92-93; Петухова, 2022. С.78-80; Харитонов, Бондарев, Бондарева, С.28-39; Chen, 2023]. Сложности развития СТ связаны с тем, что они подвержены социальным, экономическим, демографическим, экологическим и другим вызовам современного времени [Бондаренко, 2023; Purnamawati, Yuniarta, Jie, 2023; Yin, Wang, Li, 2023; Hong, Du, Deng, 2023], что обуславливает растущий интерес к различным аспектам данной проблематики. Поскольку устойчивое развитие СТ рассматривается как фактор развития сельского хозяйства [Багирова, 2016] и в целом как основа устойчивого развития регионов [Тимофеева, 2018; Шибаева, 2023], предлагается разработать стандарт комфортной среды сельских поселений [Гаврилюк, Ильичев, Орлов, С. 449-450], чтобы обеспечить сбалансированное территориально-пространственное и устойчивое развитие сельской местности. Обеспечение занятости и повышение доходов сельского населения и решение проблем бедности рассматриваются как фактор устойчивого развития сельских территорий [Дагбаева, 2011; Скальная, 2018; Бондаренко, 2023; Едренкина, Лисицин, 2023]. Разрабатываются методики

оценки устойчивого развития территорий [Иванова, Тулохонов, 2022; Михеева, Аюшеева, 2013].

Стратегические цели и задачи устойчивого развития СТ определены Стратегией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года¹ (далее – Стратегия), в которой получили развитие основные положения Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года².

Справедливо отмечается, что эти документы определяют «стратегические задачи глобального, государственного и регионального уровней, глубоко не затрагивая локальные уровни» [Михеева, Аюшеева, 2013, С.93]. Практика показывает, что внутри даже одного региона между территориями локального уровня могут быть существенные различия, что обуславливает необходимость их типологизации. Приоритетность и многогранность проблем социально-экономической устойчивости СТ Дальнего Востока определили тему исследования. Социально-экономическое развитие Республики Бурятия сдерживается эколого-экономическими ограничениями в связи с особым режимом хозяйственной деятельности с целью охраны озера Байкал³. Вышеизложенное актуализирует исследования социально-экономического развития сельских территорий Республики Бурятия на основе количественных оценок. Для определения приоритетов достижения социально-экономической устойчивости СТ необходимы исследования, которые детализируют ключевые проблемы в части их пространственной локализации.

Материалы и методы

В исследовании были использованы методы сравнительного анализа и экономико-статистические методы. Информационной базой послужили данные

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 №151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» с изменениями на 13 января 2017 года. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420251273> (дата обращения: 30.10.2023).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.11.2010 №2136-р «Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902250089> (дата обращения: 30.10.2023).

³ Федеральный закон Российской Федерации от 02.04.1999 «Об охране озера Байкал» Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732256> (дата обращения: 30.10.2023).

Федеральной службы государственной статистики за 2022 г. Проведена оценка социально-экономической устойчивости СТ Республики Бурятия по авторской методике.

Результаты исследования и обсуждение

На территории Бурятии расположены 2 городских округа, 21 муниципальный район, 246 сельских поселений⁴, объединяющих 615 сельских населенных пунктов⁵, в том числе 10 с нулевым населением. В структуре сельских населенных пунктов преобладают малонаселенные пункты (26,2% с числом жителей менее 100 чел.; 24,9% – 201–500 чел.; 16,6% – 101–200 чел.; табл. 1). Более трети сельского населения проживает в населенных пунктах с числом жителей более 5000 чел., каждый пятый селянин проживает в населенных пунктах с числом жителей

от 501 до 3000 чел. В границах Баргузинского, Кабанского, Прибайкальского и Северо-Байкальского районов проходит Центральная экологическая зона Байкальской природной территории (далее – ЦЭЗ БПТ), в которой преобладают ограничения и повышенные экологические требования^{6, 7, 8}.

Проведена оценка социально-экономической устойчивости СТ Республики Бурятия по разработанной и апробированной методике, в основе которой лежит расчет интегральных индексов уровня социальной и экономической устойчивости. Определены 18 показателей, объединенные в 2 блока по составляющим экономической и социальной устойчивости. В таблице 2 приведены расчеты социально-экономической устойчивости СТ.

В целях достижения сопоставимости показателей в исследовании применен

Таблица 1

Группировка сельских населенных пунктов по численности населения

Республика Бурятия	Всего	Сельские населенные пункты с числом жителей, чел.							
		0	менее 100	101 – 200	201 – 500	501 – 1000	1001 – 3000	3001 – 5000	>5000
Число сельских населенных пунктов, ед.	615	10	161	102	153	115	46	12	16
Число сельских населенных пунктов, %	100	1,6	26,2	16,6	24,9	18,7	7,5	2,0	2,6
Численность населения, чел.	400074	0	6 914	15087	50683	83072	72088	51068	121162
Численность населения, %	100	0,0	1,7	3,8	12,7	20,8	18,0	12,8	30,3

Источник: рассчитано автором по данным: Росстат. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn2020>

⁴ Закон Республики Бурятия от 31.12.2004 № 985-III «Об установлении границ, образовании и наделении статусом муниципальных образований в Республике Бурятия» (с изменениями на 6 марта 2023 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/802052258>

⁵ Группировка сельских населенных пунктов по численности населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn2020>

⁶ Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). URL: <https://base.garant.ru/12147594/> (дата обращения: 06.09.2023).

⁷ Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2399 «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/400167820/> (дата обращения: 06.09.2023).

⁸ Федеральный закон от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/2157025/> (дата обращения: 06.09.2023).

метод нормирования в интервале от 0 до 1, где 1 соответствует максимальному значению соответствующего показателя:

$$N_{ij} = \frac{x_{ij} - \min(x_{ij})}{\max(x_{ij}) - \min(x_{ij})}$$
, где N_{ij} – нормированное значение j -го показателя, которым обладает i -й территория, $\max(x)_{ij}$ – максимальное значение (эталонное) j -го показателя среди территорий, $\min(x)_{ij}$ – минимальное значение j -го показателя среди территорий, i – номер территории, j – номер показателя;
$$N_{ij} = \frac{x_{ij} - \max(x_{ij})}{\min(x_{ij}) - \max(x_{ij})}$$
, где $\max(x)_{ij}$ – максимальное значение j -го показателя среди территорий, $\min(x)_{ij}$ – минимальное (эталонное) значение j -го показателя среди территорий, i – номер территории, j – номер показателя. Данная формула используется для показателя с отрицательной характеристикой (в данном случае – уровень безработицы СТ).

Формула расчета интегрального показателя устойчивости S_i : $S_i = \frac{N_{ij}}{n}$, где n – количество сельских территорий.

В исследовании к СТ, сельским населенным пунктам отнесены территории и населенные пункты в соответствии с Законом Республики Бурятия⁹. Существенными характеристиками сельских населенных пунктов являются проживание в них населения, занятого сельскохозяйственными видами производства и обслуживания.

В результате исследования проведена дифференциация СТ по уровню социально-экономической устойчивости. Сельские территории Окинського, Баунтовского эвенкийского, Муйского, Мухоршибирского, Закаменского, Кижингинского, Джидинского районов показали высокий уровень социально-экономической устойчивости. Основу данной группы составляют территории с эталонными показателями социальной устойчивости (рождаемости; обеспеченностью больничными койками; обеспеченностью врачами; обеспеченностью жильем; обеспеченностью детей дошкольными учреждениями); эталонными показателями экономической устойчивости (объема инвестиций; поголовья

крупного рогатого скота (КРС); оборота розничной торговли; средней заработной платы; числа субъектов малого и среднего предпринимательства; оборота общественного питания). В данную группу попали три приграничных района и территории с богатым минерально-сырьевым комплексом.

Еравнинский, Тункинский, Кяхтинский, Хоринский, Бичурский, Северо-Байкальский, Прибайкальский районы показали средний уровень социально-экономической устойчивости. В данную группу попали два приграничных района, два района, в границах которых проходит ЦЭЗ БПТ (Северо-Байкальский, Прибайкальский), территории с эталонными показателями урожайности картофеля, количества туристских прибытий.

Низкий уровень социально-экономической устойчивости демонстрируют СТ Заиграевского, Баргузинского, Курумканского, Селенгинского, Кабанского, Тарбагатайского, Иволгинского районов. В данной группе СТ отмечаются наименьшие показатели социальной устойчивости (рождаемость, обеспеченность больничными койками, обеспеченность врачами, обеспеченность жильем, обеспеченность детей дошкольными учреждениями, обеспеченность культурно-досуговыми учреждениями) и экономической устойчивости (объем инвестиций, оборот розничной торговли и общественного питания на душу населения). В эту группу вошли два района (Баргузинский, Кабанский), в границах которых проходит ЦЭЗ БПТ. Также в группу территорий с низким уровнем социально-экономической устойчивости попали пригородные районы (Заиграевский, Тарбагатайский, Иволгинский) с эталонными показателями миграционного и естественного прироста населения, в связи с чем, несмотря на позитивные сдвиги в повышении инфраструктурной обеспеченности благодаря Дальневосточной единой субсидии, социальная инфраструктура не успевает удовлетворить растущие в ней потребности.

В группу с высоким уровнем социально-экономической устойчивости не попали сельские территории, входя-

⁹ Закон Республики Бурятия от 10.09.2007 г №2433-III «Об административно-территориальном устройстве Республики Бурятия». URL: <https://docs.cntd.ru/document/819018210>

Таблица 2

Социально-экономическая устойчивость сельских территорий Республики Бурятия*

Сельские территории муниципальных образований	Социальная устойчивость										Экономическая устойчивость									
	Рождаемость	Обеспеченность больничными койками	Обеспеченность врачами	Миграционный прирост	Естественный прирост населения	Обеспеченность жильем	Обеспеченность детей ДОУ	Уровень безработицы	Обеспеченность КДУ	Объем инвестиций	Объем производства	Поголовье КРС	Урожайность картофеля в	Оборот розничной торговли	Средняя зарплата	Число МСП	Оборот общественного питания на душу населения	Количество тур-ристских прибы-тий	Интервальный про-вень устойчивости	
Высокий интервальный уровень социально-экономической устойчивости																				
1. Окинский	0,863	1,000	1,000	0,937	0,991	0,531	0,662	0,451	0,905	0,217	0,317	0,313	0,000	0,711	0,456	0,333	0,913	0,035	10,635	
2. Баунтовский эвенкийский	0,288	0,907	0,853	0,346	0,861	0,531	0,851	0,708	0,787	1,000	0,000	0,036	0,374	0,522	0,665	0,684	0,255	0,032	9,700	
3. Муйский	0,311	0,631	0,527	0,522	0,000	1,000	0,673	0,759	0,241	0,133	0,459	0,000	0,429	0,371	1,000	1,000	1,000	0,144	9,200	
4. Мухоморинский	0,475	0,660	0,551	0,333	0,716	0,503	0,558	0,606	0,617	0,168	0,573	0,644	0,963	1,000	0,284	0,120	0,016	0,049	8,836	
5. Закаменский	0,838	0,543	0,371	0,459	0,811	0,402	1,000	0,867	0,484	0,001	0,612	0,890	0,453	0,231	0,000	0,145	0,003	0,062	8,183	
6. Кижингинский	0,763	0,649	0,465	0,358	0,849	0,726	0,813	0,490	1,000	0,001	0,355	0,524	0,426	0,172	0,000	0,29	0,017	0,004	7,902	
7. Джидинский	1,000	0,072	0,200	0,748	0,885	0,425	0,622	0,617	0,816	0,000	0,590	1,000	0,629	0,182	0,036	0,000	0,042	0,028	7,892	
Средний интервальный уровень социально-экономической устойчивости																				
8. Еравнинский	0,275	0,709	0,224	0,447	0,893	0,363	0,363	0,857	0,666	0,611	0,328	0,704	0,418	0,384	0,297	0,173	0,082	0,039	7,833	
9. Тункинский	0,313	0,552	0,526	0,321	0,734	0,598	0,607	0,455	0,494	0,002	0,283	0,397	1,000	0,300	0,057	0,170	0,023	1,000	7,832	
10. Кяхтинский	0,336	0,431	0,224	0,509	0,636	0,458	0,431	0,889	0,678	0,000	0,929	0,624	0,585	0,321	0,075	0,028	0,271	0,095	7,520	
11. Хоринский	0,675	0,628	0,514	0,553	0,790	0,318	0,544	0,746	0,830	0,000	0,234	0,387	0,397	0,368	0,028	0,235	0,018	0,000	7,465	
12. Бичурский	0,363	0,555	0,376	0,101	0,701	0,581	0,425	1,000	0,905	0,044	0,637	0,661	0,559	0,199	0,150	0,092	0,024	0,035	7,408	
13. Северо-Байкальский	0,000	0,931	0,539	0,126	0,808	0,709	0,820	0,116	0,580	0,096	0,294	0,012	0,410	0,491	0,590	0,506	0,081	0,201	7,310	
14. Прибайкальский	0,425	0,259	0,437	0,384	0,725	0,570	0,482	0,328	0,605	0,015	0,104	0,084	0,717	0,813	0,082	0,125	0,020	0,690	6,865	
Низкий интервальный уровень социально-экономической устойчивости																				
15. Заиграевский	0,550	0,447	0,176	0,465	0,840	0,637	0,473	0,707	0,229	0,038	1,000	0,235	0,573	0,081	0,133	0,055	0,060	0,030	6,729	
16. Баргузинский	0,525	0,527	0,249	0,333	0,672	0,453	0,263	0,569	0,758	0,008	0,278	0,321	0,579	0,262	0,108	0,298	0,022	0,467	6,692	
17. Курумканский	0,388	0,631	0,592	0,396	0,796	0,352	0,573	0,694	0,383	0,000	0,304	0,349	0,609	0,000	0,145	0,226	0,009	0,221	6,668	
18. Селенгинский	0,413	0,566	0,433	0,384	0,672	0,413	0,760	0,114	0,288	0,056	0,455	0,553	0,758	0,138	0,190	0,154	0,057	0,201	6,605	
19. Кабанский	0,150	0,509	0,339	0,000	0,580	0,631	0,365	0,000	0,349	0,030	0,399	0,401	0,831	0,679	0,096	0,207	0,048	0,761	6,375	
20. Тарбагатайский	0,688	0,261	0,000	0,711	0,882	0,000	0,000	0,771	0,325	0,002	0,440	0,141	0,566	0,361	0,066	0,140	0,008	0,013	5,375	
21. Иволгинский	0,788	0,000	0,114	1,000	1,000	0,229	0,104	0,553	0,000	0,003	0,028	0,257	0,978	0,007	0,089	0,004	0,000	0,009	5,163	

* используемые показатели: общий коэффициент рождаемости (число больших коек на 10 тыс. населения (обеспеченность больничными койками); численность врачей всех специальностей на 10 тыс. населения (обеспеченность врачами); миграционный прирост на 1000 чел. населения (миграционный прирост); естественный прирост населения на 1000 чел. населения (естественный прирост); площадь жилых помещений в среднем на 1 жителя (обеспеченность жильем); доля детей в возрасте 1-6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу в муниципальных учреждениях в общей численности детей в возрасте 1-6 лет (обеспеченность детей ДОУ); уровень безработицы; число культурно-досуговых учреждений на 1000 чел. населения (обеспеченность КДУ (объем инвестиций в основной капитал на 1 жителя СТ (объем инвестиций); объем производства продукции сельского хозяйства на 1 занятого (объем производства); поголовье КРС; урожайность картофеля в расчете на убранный площадь (урожайность картофеля); оборот розничной торговли на душу населения (оборот розничной торговли); среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2022 г. (средняя зарплата); число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. населения (число МСП); оборот общественного питания на душу населения (оборот общественного питания); количество туристских прибытий.

щие в ЦЭЗ БПТ. Как известно, начиная с 90-х гг. прошлого века, Россию охватил процесс депопуляции, наиболее сильно проявившись в Сибири и на Дальнем Востоке. Депопуляция также больно ударила по территориям Республики Бурятия, входящим в ЦЭЗ БПТ, сокращая население на локальном уровне почти на половину (например, в границах Северо-Байкальского района убыль населения составила 48,8%). После введения запрета на вылов омуля в 2017 г. были закрыты рыболовецкие предприятия, нарушен традиционный уклад жизни местного населения и усилился миграционный отток трудовых ресурсов [Иванова, Тулохонов, 2023. С. 65–66].

Заключение

Анализ показал, что в целом для сельских территорий в качестве приоритетов развития должно стать повышение качества жизни. Актуальна разработка социальных технологий, направленная

на повышение качества жизни населения и повышение качества человеческого капитала по направлениям: здоровье и качество медицины; работа и заработок, образование и развитие [Дагбаева, 2011, Иванова, 2021]. Очень важно обеспечить жителей сельских территорий Дальнего Востока социальными стандартами на уровне не ниже среднероссийских. На территориях с особым режимом природопользования целевые установки сохранения уникальной природной среды должны сопровождаться созданием условий для повышения качества жизни населения. По результатам работы даны рекомендации, которые могут быть использованы органами законодательной и исполнительной власти при совершенствовании системы комплексной оценки социально-экономической устойчивости и при разработке программ социально-экономического развития сельских территорий.

Список источников:

1. Багирова Е. В. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий как фактор развития сельского хозяйства // Вестник Кемеровского государственного сельскохозяйственного института. 2016. № 6. С. 127–131. EDN VWURVX.
2. Бондаренко Л. В. Стратегия и механизмы борьбы с бедностью на сельских территориях России // АПК: экономика, управление. 2023. № 4. С. 73–81. DOI 10.33305/234-73. EDN QBXCSI.
3. Гаврилюк М. Н., Ильичев К. С., Орлов С. А. и др. Пространственное развитие сельских территорий // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. № 5(395). С. 449–453. DOI 10.55186/25876740_2023_66_5_449. EDN ZBHKFU.
4. Дагбаева С. Д. Н. Социальные технологии в управлении качеством жизни // Вестник ВСГУ. 2011. № 3(34). С. 31. EDN OYMLXF.
5. Дагбаева С. Д. Н., Хандажапова Л. М., Лубсанова Н. Б. Социальное измерение экономической политики // Научное обозрение. 2016. № 5. С. 83–86. EDN VXMVEN.
6. Дагбаева С. Д. Н., Хандажапова Л. М., Лубсанова Н. Б. Проблемы социально-экономического развития приграничных территорий России в региональных исследованиях // Научное обозрение. 2015. № 24. С. 355–360. EDN VOGNFF.
7. Довготько Н. А., Андрущенко С. А., Чередниченко О. А., Скиперская Е. В. Опыт Европейского союза по реализации целей устойчивого развития в сельском хозяйстве и возможности его применения в России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 1(379). С. 74–80. DOI 10.24412/2587-6740-2021-1-74-80. EDN QDYNAT.
8. Едренкина Н. М., Лисицин А. Е. Научно-методические положения по повышению качества жизни сельского населения // АПК: экономика, управление. 2023. № 5. С. 105–113. DOI 10.33305/235-105. EDN RUCZPH.
9. Иванова С. Н. Пространственные аспекты развития сельских территорий Северной Азии // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 2(380). С. 30–34. DOI 10.24412/2587-6740-2021-2-30-34. EDN NIFJMK.
10. Иванова С. Н., Тулохонов А. К. Социальная устойчивость территорий Азиатской России // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14, № 5. С. 318–336. DOI 10.12731/2658-6649-2022-14-5-318-336. EDN TAPKIT.
11. Иванова, С. Н., Тулохонов А. К. Занятость как показатель устойчивого развития

сельских территорий в регионе Дальнего Востока с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия) // *Власть и управление на Востоке России*. 2023. № 3(104). С. 62–69. DOI 10.22394/1818-4049-2023-104-3-62-69. EDN DRVIVD.

12. Михеева А. С., Аюшеева С. Н. Исследование социально-экономической устойчивости сельских территорий Республики Бурятия // *Вестник ВСГУТУ*. 2013. № 2(41). С. 92–98. EDN PZDLAZ.

13. Мотрич Е. А. Современные демографические процессы на Дальнем Востоке России // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 4 (101). С. 59–68. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68>.

14. Найден С. Н., Грицко М. А., Буревая Н. С. Развитие социальной инфраструктуры как условие роста человеческого капитала // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 2(91). С. 16–29. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29. EDN CSCTFQ.

15. Петухова М. С. Сельские территории: стратегическое развитие и устойчивость // *АПК: экономика, управление*. 2022. № 1. С. 78–84. DOI 10.33305/221-78. EDN WKHGJH.

16. Скальная М. М. Доходы сельского населения как фактор социальной устойчивости сельских территорий // *АПК: Экономика, управление*. 2018. № 1. С. 62–71.

17. Сюпова М. С. Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований как угроза экономической безопасности региона // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 1(94). С. 70–79. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-70-79. EDN CJOCAD.

18. Тимофеева Н. С. Государственная политика в области устойчивого развития сельских территорий // *Международный научный сельскохозяйственный журнал*. 2018. Т. 1, № 2. С. 7–16. EDN VJZPEK.

19. Харитонов А. В., Бондарев Н. С., Бондарева Г. С. Теоретико-методологический анализ устойчивого развития сельских территорий. Воронеж. 2021. 258 с. ISBN 978-5-6045506-3-2. EDN LICDLL.

20. Шибаева Н. А. Комплексное развитие сельских территорий как основа устойчивого развития регионов России // *Друкерровский вестник*. 2023. № 2(52). С. 185–192. DOI 10.17213/2312-6469-2023-2-185-192. EDN GGLEBE.

21. I Gusti Ayu Purnamawati, Gede Adi Yuniarta, Ferry Jie, Strengthening the role of corporate social responsibility in the dimensions of sustainable village economic development, *Heliyon*, Vol. 9. Is. 4. 2023. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844023023228>

22. Jingbo Yin, Dongyan Wang, Hong Li, Spatial optimization of rural settlements in ecologically fragile regions: Insights from a social-ecological system, *Habitat International*. Vol. 138. 2023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2023.102854>.

23. Yan Hong, Han Du, Zhiyun Deng A framework of Economic-Social-Natural sustainability evaluation based on multidimensional land-use ecological niche theory. *Ecological Indicators*. 2023. Vol. 155. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2023.110967>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1470160X23011093>

24. Yiru Chen Sustainable development of the mining sector for achieving common prosperity in Chinese rural areas, *Resources Policy*. Vol. 87. Part A. 2023. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142072301036>

References:

1. Bagirova E. V. (2016) Ensuring sustainable development of rural areas as a factor in the development of agriculture *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo selskohozyajstvennogo instituta* [Bulletin of the Kemerovo State Agricultural Institute], 2016. No. 6: 127–131.

2. Bondarenko L. V. (2023) Strategy and mechanisms for combating poverty in rural areas of Russia *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: economics, management]. No. 4: 73–81. DOI 10.33305/234-73. EDN QBXCSI

3. Gavriluk M. N., Ilyichev K. S., Orlov S. A. and others. (2023) Spatial development of rural territories *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal* [International Agricultural Journal]. No. 5(395): 449–453. DOI 10.55186/25876740_2023_66_5_449. EDN ZBHKFU.

4. Dagbaeva S. D. N. (2011) Social technologies in quality of life management *Vestnik VSGTU* [Bulletin ESGTU]. No. 3(34): 31.
5. Dagbaeva S. D. N., Handazhapova L. M., Lubsanova N. B. (2016) Socialnoe izmenenie ekonomicheskoy politiki [Social dimension of economic policy] // *Nauchnoe obozrenie* [Scientific review]. No. 5: 83–86. EDN VXMVEN.
6. Dagbaeva S. D. N., Handazhapova L. M., Lubsanova N. B. (2015) Problems of socio-economic development of Russian border territories in regional studies *Nauchnoe obozrenie* [Scientific review]. No. 24: 355–360. EDN VOGNFF.
7. Dovgotko N. A., Andryushchenko S. A., Cherednichenko O. A., Skiperskaya E. V. (2021) Experience of the European Union in implementing sustainable development goals in agriculture and the possibility of its application in Russia *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal* [International Agricultural Journal]. No. 1(379): 74–80. EDN QDYNAT.
8. Edrenkina N. M., Lisicin A. E. (2023) Scientific and methodological provisions for improving the quality of life of the rural population *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: economics, management]. No. 5: 105–113. DOI 10.33305/235-105. EDN RUCZPH.
9. Ivanova S. N. (2021) Spatial aspects of the development of rural areas of Northern Asia *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal* [International Agricultural Journal]. No. 2(380): 30–34. DOI 10.24412/2587-6740-2021-2-30-34. EDN NIFJMK.
10. Ivanova S. N., Tulokhonov A. K. (2022) Social sustainability of the territories of Asian Russia *Sibirskiy zhurnal nauk o zhizni i sel'skogo khozyaystva* [Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture]. Vol. 14, No. 5: 318–336. DOI 10.12731/2658-6649-2022-14-5-318-336. EDN TAPKIT.
11. Ivanova S. N., Tulokhonov A. K. (2023) Employment as an indicator of sustainable development of rural areas in the Far East region with a special regime of environmental management (on the example of the Republic of Buryatia) *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 3(104): 62–69. DOI 10.22394/1818-4049-2023-104-3-62-69. EDN DRVIVD.
12. Miheeva A. S., Ayusheeva S. N. (2013) Study of the socio-economic sustainability of rural areas of the Republic of Buryatia *Vestnik VSGUTU* [Bulletin ESGTU]. No. 2(41): 92–98. EDN PZDLAZ.
13. Motrich E. L. (2022) Sovremennye demograficheskie processy na Dal'nem Vostoke Rossii [Modern demographic processes in the Russian Far East] // *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii*. [Power and management in the East of Russia]. No. 4 (101): 59–68. DOI 10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68.
14. Najden S. N., Gricko M. A., Burevaya N. S. (2020) Development of social infrastructure as a condition for the growth of human capital *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 2(91): 16–29. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29. EDN CSCTFQ.
15. Petuhova M. S. (2022) Rural territories: strategic development and sustainability *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: economics, management]. No. 1: 78–84. DOI 10.33305/221-78. EDN WKHGJH.
16. Skalnaya M. M. (2018) Income of the rural population as a factor in the social sustainability of rural areas *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: economics, management]. No. 1: 62–71.
17. Syupova M. S. (2021) Differentiation of socio-economic development of municipalities as a threat to the economic security of the region *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 1(94): 70–79. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-70-79. EDN CJOCAD.
18. Timofeeva N. S. (2018) State policy in the field of sustainable development of rural areas *Mezhdunarodnyj nauchnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal* [International scientific agricultural journal]. Vol. 1. No. 2: 7–16. EDN VJZPEK.
19. Kharitonov A. V., Bondarev N. S., Bondareva G. S. (2021) Theoretical and methodological analysis of sustainable development of rural areas. Voronezh. 258 p. ISBN 978-5-6045506-3-2. EDN LICDLL.
20. SHibaeva N. A. (2023) Integrated development of rural areas as the basis for sus-

tainable development of Russian regions *Drukerovskij vestnik* [Drucker Bulletin]. No. 2(52): 185–192. DOI 10.17213/2312-6469-2023-2-185-192. EDN GGLEBE.

21. I Gusti Ayu Purnamawati, Gede Adi Yuniarta, Ferry Jie (2023) Strengthening the role of corporate social responsibility in the dimensions of sustainable village economic development, *Heliyon*. Vol. 9, Is. 4. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844023023228>

22. Jingbo Yin, Dongyan Wang, Hong Li (2023) Spatial optimization of rural settlements in ecologically fragile regions: Insights from a social-ecological system, *Habitat International*. Vol. 138. URL: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2023.102854>.

23. Yan Hong, Han Du, Zhiyun Deng (2023) A framework of Economic-Social-Natural sustainability evaluation based on multidimensional land-use ecological niche theory. *Ecological Indicators*. Vol. 155. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2023.110967>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1470160X23011093>

24. Yiru Chen (2023) Sustainable development of the mining sector for achieving common prosperity in Chinese rural areas, *Resources Policy*. Vol. 87. Part A. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142072301036>

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Информация об авторе

С. Н. Иванова – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории экономики природопользования, Байкальский институт природопользования, Сибирское отделение Российской академии наук.

Information about the author

S. N. Ivanova – Doctor of Sociology, Associate Professor, senior researcher, the Laboratory of environmental economics, the Baikal institute of nature management, the Siberian branch of the RAS.